

Беньковская Т.Е. Формирование тартуско-московской семиотической научной школы в российском литературоведении и ее влияние на развитие методической науки // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – №11. – С. 9-14.

Беньковская Т.Е.

Формирование тартуско-московской семиотической научной школы в российском литературоведении и ее влияние на развитие методической науки

В статье осмыслены причины возникновения и жизнестойкости одной из наиболее значительных и перспективных научных школ в современном литературоведении, которую по праву можно назвать школой Ю.М. Лотмана.

Научная школа как явление существует со времен Платона и Аристотеля. Несмотря на ряд фундаментальных работ отечественных и зарубежных ученых, преимущественно 1970-1980-х годов, посвященных теоретическому осмыслению этого понятия, дискуссий 1990-х годов, до сих пор нет четкого обоснования концептуальных вопросов, которые и сегодня стоят перед исследователями: что такое «научная школа», каковы ее критерии и механизмы ее развития, какое место занимает научная школа в поступательном движении знания и его влиянии на другие сферы человеческой деятельности и культуры, каковы причины возникновения, развития школы в науке, ее жизнедеятельности или гибели.

Научная школа рассматривается исследователями как живой организм, своеобразное социальное образование, обладающее определенной структурой, возникающее в определенных социально-исторических условиях, живущее и развивающееся в конкретном историко-научном контексте.

Многие ученые, занимающиеся проблемой возникновения, рождения научной школы, отмечают, что научная школа рождается непосредственно в живом контакте людей (субъектов), заинтересованных в общем представлении предмета или проблемы, «с момента присоединения активных членов к прорекламированной лидером первоначально программе» (1, с.127). Для возникновения научной школы в какой-либо области науки, отмечает С.Д. Хайтун в работе «О предпосылках возникновения научной школы», важно, чтобы состояние этой области достигло такой стадии, когда для дальнейшего ее развития становится необходимым коллективный труд, а потребности в координированном научном труде не удовлетворяются существующими формальными или неформальными объединениями ученых (2, с. 197).

И.С. Дмитриев подчеркивает, что создание научной школы является, как правило, результатом «резонанса» ряда факторов: когнитивных, социокультурных и личностных. И необходимым условием при этом является детерминация не только предметной области и/или метода исследования, но и

(особенно в теоретических дисциплинах) выработка определенного стиля мышления, который, с одной стороны, так или иначе вписывается или как-то соотносится с глобальными особенностями мышления эпохи, а с другой – включает в себя компоненты, индивидуализирующие стиль мышления данной научной школы (3, с.55).

А.П. Огурцов (4) указывает на два пути формирования научных школ. Первый путь, когда лидер научной школы выдвигает и разрабатывает научную теорию, которая получает признание сообщества. В этом случае члены научной школы ориентируются на дальнейшее развитие этой теории, на ее применение к другим областям, на ее корректировку. Другой путь формирования научной школы состоит в том, что теоретическая программа, объединяющая ученых, формируется в ходе деятельности научной школы. В этом случае хотя принципиальная идея и выдвинута лидером научной школы, однако каждый ученый принимает свое собственное участие в формулировке теоретической позиции научной школы, которая разворачивается, обогащается и корректируется благодаря совместным усилиям ученых.

Стремление ученых к рефлексии по поводу своей деятельности, осмыслению причин объединения в сообщество единомышленников, именуемое научной школой, не только подтверждает наблюдения науковедов, но вносит существенный вклад в развитие теории научных школ.

Весьма показательна, на наш взгляд, попытка осмысления причин возникновения и развития тартуско-московской семиотической школы её участниками, что нашло отражение прежде всего в докладе Б.А. Успенского «К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы», прочитанного в 1981 г. на заседании Института языка и литературы АН ГДР в Берлине, в размышлениях и воспоминаниях (своеобразных «мемориях») Б.М. Гаспарова, Б.Ф. Егорова, Ю.И. Левина, Г.А. Лесскиса, С.Ю. Неклюдова, А.М. Пятигорского, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьяна и других, вошедших в книгу «Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа» (1994).

Многие из них отмечают, что уже в 1950-е годы испытывали глубокое чувство неудовлетворенности не только политической обстановкой в стране, влиявшей на все отрасли и структуры общественной и духовной жизни общества, в том числе и на науку, но и состоянием самой науки.

В литературоведении к этому времени прочно утвердился марксистский метод изучения литературы, преимущественно в его «вульгарно-социологической ипостаси» (5, с.320), не имевший альтернативы и казавшийся незыблемым.

«Я всегда хотел заниматься литературой, особенно Пушкиным, но вышло так, что заниматься пришлось больше лингвистикой - с литературой у нас обстояло уж очень неблагополучно. К началу 50-х годов я пришел к убеждению, что, помимо причин политических, неблагополучие проистекает из ненаучности самой науки о литературе. Социологическая модель исследования оказалась несостоятельной... В поисках точных методов я обратился к Соссюру и Винеру. Семиотическая модель показалась тогда для моих целей весьма подходящей...» - вспоминал Г.А. Лесскис (5, с.313).

Б.Ф. Егоров в монографии «Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана» (1999) также отмечает, что к концу 50-х годов Ю.М. Лотман явно перерос прошлое, стал отходить от марксистских схем, «начал искать точные методологии, которые могли бы, не отрицая гегелевско-марксистского историзма, дать новые творческие импульсы и стать прочным фундаментом» (6, с.91).

Одним из существенных толчков к точным методам явилось в то время новое учение Н. Винера, создавшего кибернетику, книга которого «Кибернетика и общество», вышедшая в Москве в 1958 году, по свидетельству Б.Ф. Егорова, оказала на уже формирующуюся оппозицию академической ортодоксальной науке «потрясающее воздействие, как на молодого Герцена – учение Гегеля» (6, с. 91).

Поиски научной методологии (точных, подлинно научных методов) приводят московских ученых-лингвистов, имеющих давние традиции, и литературоведов Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц, преподававших уже в Тартуском университете, тесно связанных с ленинградской культурной традицией, к осмыслению зарубежного и отечественного опыта, в частности структуралистского языкознания: работ Ф. де Соссюра, Пражского лингвистического кружка 1920-1930-х годов, фундаментальных трудов Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, В. Проппа, Ю. Тынянова, Г. Гуковского, обращению к истокам: московскому лингвистическому кружку начала XX века и петроградскому ОПОЯЗу.

Начало хрущевской оттепели в середине 1950-годов обусловило и раскрепостило развитие структурализма в стране, центром которого становится Москва. В эти годы на страницах журнала «Вопросы языкознания» в течение двух лет продолжается дискуссия о структурной лингвистике и структурализме.

Важным событием в объединении свежих сил и идей является приезд в 1956 году Р.О. Якобсона. А в мае 1960 года выходит постановление Президиума АН о создании в ряде академических институтов секторов структурной лингвистики. Сектор, возглавляемый В.Н. Топоровым в первый год, позже на долгие годы стал своеобразным центром отечественного структурализма и семиотики.

К началу 1960-х годов и в Тартуском университете на кафедре русской литературы складывается научный коллектив, включающий преподавателей и студенческую молодежь, увлеченных идеей осмысления культуры в широком семиотическом смысле – как системы отношений, устанавливаемой между человеком и миром.

В 1960 г. Ю.М. Лотман становится заведующим кафедрой ТГУ, ведет структурно-семиотический семинар, создает научную школу, объединившую две традиции – московскую лингвистическую и ленинградскую литературоведческую.

Наличие постоянно действующего научного семинара, как показывает опыт данной школы, на наш взгляд, следует считать одним из структурных элементов научной школы, в особенности на этапе ее становления, где вырабатывается свой стиль научного мышления, осваиваются новые методы,

специфическая терминология, создается своя шкала ценностей и научных критериев, что в дальнейшем способствует самоопределению и самоутверждению школы в науке.

Кстати, на исключительно важную роль различных неформальных сообществ так называемого клубного типа – «невидимых колледжей», салонов, семинаров и других в профессиональном становлении ученых указывают не только зарубежные, но и отечественные науковеды, в частности Ю.Л. Менцин и В.М. Сергеев (7).

Возникновение школы, по мнению Б.А. Успенского, относится к 1962 году. Именно тогда на симпозиуме по структурному изучению знаковых систем впервые была сделана попытка обозначить объект семиотического исследования.

Учрежденные так называемые «летние» школы по семиотике, собиравшие ученых разных научных интересов и разных поколений не только Москвы и Тарту, но и других городов (как вспоминал Г.А. Лесскис, «здесь сочетались этнография, теория игр, структурная лингвистика, индология, мифология»...), стали регулярными и проводились один раз в два года.

С 1964 года начали издаваться «Труды по знаковым системам» и сборники материалов проводимых научных конференций. С 1964 по 1992 год вышло 25 изданий «Трудов...» кроме них программы, тезисы докладов «летних» школ, материалы симпозиумов по вторичным моделирующим системам, сборники статей по семиотике, отдельные монографии, оказавшие значительное влияние на весь комплекс гуманитарных наук в стране, признанные мировым научным сообществом.

Размышляя о периоде зарождения и становления научной школы, ее участники отмечают особую обстановку, складывавшуюся внутри семиотического движения и распространявшуюся вовне; особый климат научных дискуссий и даже человеческих взаимоотношений, что «способствовало созреванию некоей критической массы людей, чреватой взрывом, открывающим новое пространство, организованное в соответствии с правилами и принципами новой, лишь в общих чертах распознаваемой парадигмы» (5, с.341).

Школа отвечала потребности интеллектуальной и духовной свободы, назревшей в обществе в конце 50-х - начале 60-х годов. «Это было освобождение мысли, как вольные песни Окуджавы того времени были освобождением чувства», - вспоминал Г.А. Лесскис (5, с.315).

Подобным настроением пронизаны и впечатления С.Ю. Неклюдова о первой конференции по семиотике и структурализму, проходившей в Тарту в 1965 году, на которой он присутствовал будучи студентом: «В сущности, я плохо понимал задачи конференции, был мало знаком с основами семиотики и структурализма, с трудом ориентировался в их понятийном и терминологическом аппарате. Однако был смутный, не имеющий четких границ, в значительной степени даже мифологический образ некоей новой науки с не вполне ясными, но манящими возможностями, и элитарной

интеллектуальной корпорации, отказавшейся от омертвевших традиций и свободной от общественного лицемерия» (5, с. 320).

Для многих молодых ученых «летние» школы были в полном смысле школой ученичества, первых докладов, первых публикаций, научных поисков.

Как и В.Н. Топоров, С.Ю. Неклюдов говорит о создании некоего научного сообщества людей, увлеченных свежей идеей, где происходило обретение новой научной парадигмы, т.е. более широкой, чем научная теория, и признаваемой этим сообществом совокупности убеждений, ценностей, операционных приемов, категориального аппарата и соответствующего языка описаний. Было осознание того, что научные искания тартуско – московской семиотической школы находятся в русле целого направления, охватившего Европу, где формируется новый взгляд на гуманитарное знание, в значительной степени определивший направленность и характер научного развития последующих десятилетий.

В формировании и функционировании тартуской школы исключительно велика была роль ее лидера, основателя – Ю.М. Лотмана, который, по определению В.Н. Топорова, был «добрым гением... этого пространства в его персонифицированном и духовном воплощении» (5, с.336). Он отмечает такие черты Ю.М. Лотмана – руководителя, обеспечившие целостность и долголетие семиотической школы, представлявшей собой свободное и добровольное единство ее членов, как широта научных интересов и постоянное расширение круга проблем и сфер, вовлекаемых в исследование; оригинальное «проблемное» видение; «реактивность» как способность на лету схватывать все новое, чреватое далеко идущими перспективами, включать его в сферу своих интересов и как бы экспромтом развивать далее; выдающийся дидактический дар, глубокое знание и понимание своего материала и любовь к этому материалу, который «осваивался и обживался как собственный дом»; умение среди множества интересов выбрать осевой и сосредоточиться на нем (культурология в широком и в значительной степени в новом понимании ее как проективного пространства знаковых систем).

Ю.И. Левин указывает еще на несколько «задававших тон» и уровень ученых, кроме Ю.М. Лотмана, в частности В.В. Иванова, В.Н. Топорова, А.М. Пятигорского, И.И. Ревзина, Г.А. Лескиса. «Существенна была не только (и, может быть, даже не столько) их сила и многосторонность как ученых, но и их человеческие качества, их рыцарский облик (у каждого свой), определивший особую нравственную и человеческую атмосферу тартуского общества», - пишет он (5, с. 311).

Одним из факторов долголетия тартуско-московской семиотической школы, бесспорно, является широкий спектр изучаемых проблем в общем русле семиотики культуры, которые в течение длительного времени оставались (и продолжают оставаться по сей день) чрезвычайно привлекательными своей свежестью, нестандартностью, перспективностью для ученых разных отраслей: лингвистов, литературоведов, философов, фольклористов, искусствоведов, культурологов, стимулируя их научные искания и стремление к самовыражению в интересующей области исследования. К ним следует отнести

прежде всего такие, как семиотика фольклора и мифа; типология культур; эволюция культуры в семиотическом освещении; семиотика иконических искусств; поэтика, стилистика, стихосложение, анализ и интерпретация текста и другие.

Первым основательным, методологически выстроенным трудом по структуральному литературоведению, ознаменовавшим по сути рождение новой отрасли гуманитарного структурализма – литературоведческой, явилась книга Ю.М. Лотмана «Лекции по структуральной поэтике. Вып.1. Введение, теория стиха» (1964). Эта книга была первой, новаторской работой в области литературоведческого структурализма, в которой автор широко использовал достижения лингвистического структурализма (Н. Трубецкой, Р. Jakobson, Э. Бенвенист, Н. Жинкин), работы западноевропейских философов Ч. Морриса, А. Шаффа, Г. Клауса, труды Вяч. Иванова, А.М. Пятигорского, фундаментальные исследования по стиховедению Б. Томашевского, Ю. Тынянова, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, А. Колмогорова и других.

В «Лекциях по структуральной поэтике» Ю. Лотман неоднократно подчеркивал важность рассмотрения не только самого текста, языковой структуры произведения, когда речь идет о словесности, о литературе, но и внетекстовых связей.

Этот принцип им положен в основу книг о Пушкине, которые он адресовал прежде всего учащимся и учителям-словесникам: «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя» (1980), Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся» (1981).

Каждое поколение живет в мире определенных временных, национальных, социальных, региональных культур, воспринимая и создавая духовные ценности, правила поведения, предметы быта, и далеко не все из них прочно закрепятся на века, тем более что меняющийся культурный контекст может совершенно по-иному их трактовать и использовать, не говоря уже о том, что люди определенной эпохи склонны приписывать и ушедшим поколениям...

Не случайно комментарий Ю.М. Лотмана к роману Пушкина «Евгений Онегин» включает в себя не только построчные и словарные примечания, как это было в книге Н.Л. Бродского, выдержавшей 5 изданий (1932-1964) и оказавшей большую помощь исследователям и учителям, но и обширные сведения о быте пушкинской эпохи, главная цель которых – создание широкой историко-культурной панорамы.

Стремясь ввести читателя в мир пушкинского романа и его героев, Ю.М. Лотман раскрывает этот мир изнутри.

Вполне объяснимо обращение Ю.М. Лотмана к разработке проблемы «читатель-писатель». В фундаментальном труде «Структура художественного текста» (1970) он писал об одной особенности художественного текста: «...он выдает разным читателям различную информацию - каждому в меру его понимания, он же дает читателю язык, на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении. Он ведет себя как некоторый живой

организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя» (8, с.33).

Для того чтобы акт художественной коммуникации состоялся, необходимо, по мнению Лотмана, чтобы код автора и код читателя образовывали пересекающиеся множества структурных элементов – чтобы читателю был понятен естественный язык, на котором написан текст. Непересекающиеся части кода составляют ту область, которая деформируется, перестраивается при переходе от писателя к читателю.

«Восприятие художественного текста – всегда борьба между слушателем и автором, - пишет Ю.М. Лотман.- Восприняв некую часть текста, слушатель «достраивает» целое. Следующий «ход» автора может подтвердить эту догадку и сделать дальнейшее чтение бесполезным (по крайней мере с точки зрения современных эстетических норм) или опровергнуть догадку, потребовав со стороны слушателя нового построения. Но следующий авторский «ход» вновь выдвигает эти две возможности. И так до того момента, пока автор, «победив» предшествующий художественный опыт, эстетические нормы и предрассудки слушателя, не навязет ему свою модель мира, свое понимание структуры действительности. Этот момент и будет концом произведения... Поэтому победа художника доставляет побежденному читателю радость» (8, с.348). Борьба между читателем и писателем особенная: в ней выигрывает побежденный, подчинившийся художественной воле автора и усвоивший язык его культуры – таково решение ученым одной из главных проблем XX века – проблемы восприятия и интерпретации художественного произведения.

Не случайно главным объектом научных интересов Ю.М. Лотмана станет культурология. И основной корпус его статей, представленных в тартуских семиотических сборниках, и отдельных книг носит культурологический характер. (См.: «Статьи по типологии культуры» в 2х книгах (1970-1973); «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)» (1974); «Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века» (1975); «Очерки по истории русской культуры XVIII - начала XIX века» (1996) и др.).

В подходе к литературе и культуре в целом его интересуют история, религиозная жизнь, если речь идет о древности и средневековье, социально-политическая, философская проблематика, быт, поведение человека прошлого, его нравственные, эстетические представления и т.д. Причем все указанные аспекты исследования рассматриваются ученым в сложной взаимосвязи, в историческом и типологическом освещении.

Авторская концепция изучения литературы в культурологическом аспекте нашла подтверждение и развитие в работах его учеников, а также в учебных и методических пособиях для учащихся и учителей-словесников, что, несомненно, было чрезвычайно перспективно не только для литературоведческой, но и методической наук. (См. 9, 10).

Новый методологический подход к культуре (и литературе как части культуры) как к системе отношений, устанавливаемых между человеком и миром в широком семиотическом смысле, т.е. как своеобразному механизму

переработки и организации информации, поступающей из внешнего мира, специфической знаковой системе, выдвинутой Ю.М. Лотманом и получивший развитие в трудах тартуско-московской школы, наряду с литературоведческими и философскими концепциями культуры М.М. Бахтина, М.С. Кагана, В.С. Библера и других, оказал несомненное влияние на становление культурологической парадигмы как гуманитарных наук, так и образования, главной задачей которого в 1990-е годы станет формирование «человека культуры». Это потребует не только отбора содержания образования, но и самого характера педагогического мышления учителей в обучении учащихся от фрагментарного к целостному восприятию мира в широком культурном контексте, необходимости реализации принципа диалога культур.

Список использованной литературы

1. Гасилов В.Б. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке / Под ред. Р.С. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977. – С. 119-153.
2. Хайтун С.Д. Об историческом развитии понятия научной школы // Школы в науке / Под ред. Р.С. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977. – С. 275-285.
3. Дмитриев И.С. Принцип стилевой инвариантности и функционирования научных школ // Академические научные школы Санкт-Петербурга: К 275-летию Академии наук / Под ред. Э.А. Троппа. – СПб., 1998. – С. 53-56.
4. Научное творчество / Под ред. Р.С. Микулинского, М.Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1969. – 446 с.
5. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа/ Сост.А.Д. Кошелев. - М: «Гнозис», 1994. - 560с.
6. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана.-М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 384 с.
7. Менцин Ю.Л., Сергеев В.М. Структура «ненормальной науки» // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1996. – М., 1997. – С.161-164.
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста.- М.: Искусство, 1970.- 384 с.
9. Лотман Ю.М., Невердинова В.Н. Книга для учителя: Метод. материалы к учеб.-хрест. для IX класса [по рус. лит.].-Таллинн: Валгус, 1984.- 135с.
10. Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе для средней школы.- М.: Языки рус. культуры, 2001.-256 с.